

Постникова С.И.
Открытость Небытию: опыт И. Бродского и М. Хайдеггера

Сближение онтологии и гносеологии М. Хайдеггера и И. Бродского изучалось Р. Измайловым, И. Плехановой, С. Тюкиным. Данный доклад продолжает названное исследовательское направление в аспекте познания (не)бытия.

«Никто не может перенять у Другого его смерть», – пишет М. Хайдеггер [4, 327]. Однако присутствие, ввиду со-бытия с другими, может иметь опыт смерти и осмыслить ее как свою бытийную возможность. Так, отношение героя «Памяти Т.Б.» к смерти на протяжении стихотворения меняется. Сперва он поддается настроению людей: «смерть – это то, что бывает с другими». Ему сложно принять, что и он умрет. Но, обращаясь к гибели героини, он понимает: «у смерти всегда свидетель / он же и жертва». Умершая «к этой новой / роли двойной» была готова – герой же движется к осознанию смерти как экзистенциального феномена.

Опыт смерти Другого, экзистенциально осмысленный, ведет к осознанию собственного бытия-к-смерти: «Смерть – это всегда моя смерть» [4, 327]. Тогда она воспринимается как еще отсутствующее в вот-бытии и ему предстоящее. Именно смерть ставит присутствие «перед собой в самой своей способности быть» [2, 250].

Поэт обогащает онтологическую герменевтику М. Хайдеггера новыми художественными решениями. В «Разговоре с небожителем» герой обращается к Ангелу: «благодаря / тебе, я на себя взираю свыше». Герой отчуждается от себя, но это – попытка осмысления собственного бытия. Он отчужден и от других людей: «уже ни в ком / не видя места, коего глаголом / коснуться мог бы», и от мира «здесь» в целом: «И вкус во рту от жизни в этом мире, / как будто наследил в чужой квартире». За уединенностью бытия следует осознание собственного бытия-к-смерти: «перспектива умереть / доступна глазу». Об этом говорит и М. Хайдеггер: одиночество есть «размыкание “вот” для экзистенции» [2, 263]. Экзистенциальное осознание своей смертности уединяет, ибо присутствие больше не может упасть и раствориться в бытии-среди-других.

У М. Хайдеггера нет определенной экзистентной позиции к смерти. Смерть как конец присутствия не значит отсутствие посмертного – заканчивается бытие-в-мире. Онтического решения о возможности «нижнего» или «высшего» бытия, продолжении жизни после смерти или бессмертия философом не выносятся. Его интересует «посюсторонняя» часть вопроса, к которой относится и смерть – как бытийная возможность.

Для М. Хайдеггера Ничто – не-сущее. И. Бродский расширяет границы Ничто (Небытия) и называет им пространство после смерти тоже. «Это продолженное существование с опытом, не вместимым в здешнее знание, и образ бытия за пределами жизни», – пишет И. Плеханова [1, 11]. Смерть – граница между бытием-в-мире и Небытием: лишая человека тела, она оставляет «живой» душу. Но грань эта проницаема: присутствие и Небытие открыты друг другу.

В «Чаепитии» героиня во сне видит возлюбленного. Рубеж смерти проницаем: сон – пограничное между реальным и ирреальным. У героини перед умершим есть преимущество – она владеет речью: «Я думала спросить насчет здоровья, / но поняла бестактность этих слов». Возлюбленный приходит к героине во сне из Небытия, он ее «проводник» туда. «Точка звезды», которая поблескивает в ее зрачке, – знак, что эта встреча «отвлекла» героиню от погруженности в сущее, переориентировала ее на трансцендентное.

Второй проводник, не реализованный здесь полностью, – слово. В герменевтике М. Хайдеггера оно «даритель присутствия», связывает присутствие и трансцендентное [3, 424]. Слово приоткрывает присутствию завесу Бытия и Небытия: открытость Ничто так же «сущностно» принадлежит нашему бытию, как и изначальная открытость Бытия.

Герой «Бабочки» сознательно редуцирует себя до слова: «Навряд ли я, / бормочущий комок / слов, чуждых цвету, / вообразить бы эту / палитру смог». Слово – самая значимая его характеристика и способность. Наряду с мыслью оно оказывается проводником в Ничто,

материальную сущность которого он разглядывает. Но бабочка заключает в себе весь мир в миниатюре, является своего рода микрокосмом: «и то, и это: / звезды, лица, предмета / в тебе черты». Пространство двоится, бабочка словно мерцает: «Светло ли там, как днем? / или там уныло, / как ночью?» Ничто заключает в себе Вселенную, в то время как присутствие способно только наблюдать, анализировать и слышать Бытие и Ничто в самом себе.

Смерть и Небытие для М. Хайдеггера и И. Бродского – то, что позволяет полнее осознать свое бытие. Смерть для поэта – физиологический акт, граница между жизнью и Небытием. В Небытие можно проникнуть при жизни – через слово и посредством проводника, роль которого выполняет существо/тело/вещь с печатью тлена, пустоты – небытия.

Список литературы:

1. Плеханова И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени. Томск: ИД СК-С, 2012. 384 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. СПб: Наука, 2006. 451 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Издательство «Водолей», 1998. 384 с.